

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Идейно-ценностная составляющая внешней политики Российской Федерации на современном этапе	5
Интересы, идеи, ценности и идеологемы: система понятий	6
Внешнеполитические идеи и идеологемы России после начала Специальной военной операции	12
Глава II. Идейно-ценостное внешнеполитическое взаимодействие России с государствами Ближнего Востока....	18
Ближневосточная подсистема в условиях трансформации системы международных отношений.....	19
Характеристика акторов Ближнего Востока: типы государств	24
Определение региональных лидеров ближневосточной подсистемы	28
Внешнеполитическое взаимодействие России с государствами Ближнего Востока.....	30
Глава III. Идеи и ценности в политическом процессе Турции	37
Имперская (пост-республиканская неоосманская) составляющая политического процесса	40
Тюркско-исламская составляющая политического процесса	53
Глава IV. Идейно-ценостный фактор во внешней политике Ирана	62
Ценностные ориентиры внешней политики Ирана в постбиполярный период	69
Внешнеполитические ценности Ирана в рамках перехода ко «Второму шагу революции».....	77
Внешняя политика Ирана и идейно-ценостный фактор в условиях обострения ближневосточного конфликта	89

Глава V. Идеи и ценности в политическом процессе

тюркских государств Постсоветского Востока	96
Идейно-ценностная база политики Азербайджана	96
Трансформация идеино-ценностной базы Казахстана.....	101
Идейно-ценностное развитие основ политики	
Узбекистана	106
Киргизия как хаб	110
Постоянный нейтралитет Туркменистана.....	112
Список источников и литературы.....	116
Об авторах	131

ГЛАВА I

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Трансформация системы международных отношений, ускорившаяся после начала Специальной военной операции на Украине (СВО)¹, наглядно продемонстрировала различия в подходах различных держав к новому формирующемуся миропорядку. При этом эти различия в значительной степени отходят от классических дилемм «Восток – Запад» или «Север – Юг», формируя более сложные модели взаимодействия. В рамках новой конструируемой системы связей между государствами важной составляющей внешней политики государств становится идейно-ценностный фактор, т.е. набор выдвигаемых и продвигаемых государствами идей и нарративов. Российская Федерация, видя себя одной из мировых держав и претендую на полагающееся ей по праву место в формируемом миропорядке и новом балансе сил, также включилась в эту «гонку смыслов». При этом государства, которые не имеют или не продвигают собственные нарративы, оказываются в менее выигрышном положении, поскольку оказываются в целом одновременно в ситуации догоняющих и приоритетных целей для идейного воздействия со стороны третьих стран.

Вместе с тем необходим отметить, что данный процесс в корне отличается от идеологического противостояния между СССР и США, происходившего в годы Холодной войны. Во-первых, в «гонке» участвует много различных государств, которые предлагают разнонаправленные идеи и смыслы. Во-вторых, система идеологии

¹ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля // Президент России. – 2022. – 24.02. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 20.01.2024).

ческих «лагерей» прошлой эпохи перестала существовать, и государства с разными подходами к построению экономики, проведению политики, принадлежащие к разным цивилизациям, иной раз продвигают схожие тезисы, которые становятся фундаментом конструктивного сотрудничества и взаимодействия.

С точки зрения идеино-ценностного подхода постбиполярная эпоха – это не про военно-политическую или экономическую гегемонию (хотя про нее тоже), а про гегемонию того самого «языка» и его смыслов, поскольку покоренные народы вынуждены говорить на языке империи (латынь, классический арабский, мандаринский, английский и т.д.)¹.

Интересы, идеи, ценности и идеологемы: система понятий

Говоря об идейной гонке смыслов, нельзя не отметить, что наиболее активно государства продвигают те тезисы и нарративы, которые в наибольшей степени отвечают их внутри- и внешнеполитическим интересам и устремлениям. В этом контексте важно в первую очередь опираться на национальные интересы страны. В рамках российского подхода к этому вопросу, исходя из определения национального интереса и стратегических национальных приоритетов², которые сформулированы в Стратегии национальной безопасности России 2021 г., можно выделить два основных направления интересов государства: обеспечение безопасности и способствование устойчивому развитию.

Другой характеристикой национальных интересов является их уровень важности для существования государства, что напрямую влияет на вероятность возникновения конфликта. Существует много под подходов к классификации интересов, однако в рамках данного исследования они разделены на три уровня: незначительные,

¹ В статье 2000 г. с говорящим названием «The Control of Pleasure» Игнасио Рамонет (главред Le Monde Diplomatique с 1991 по 2008 гг.) выдал гениальную фразу: «Мы должны формулировать проблемы, которые они придумывают, на языке, который они предлагают».... // Teleragram-канал Останин-Головня (VOSTGO). – 2023. – 24.07. – URL: <https://t.me/vostgo/614> (дата обращения: 01.02.2024).

² Ст. 5. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 2021. – 02.07. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

значительные и жизненно важные (экзистенциальные). При этом следует различать реальный уровень интереса и декларируемый на региональном или глобальном уровне.

Интересы способствуют движению государства «вперед» в политико-историческом пространстве, определяют цель существования и в общем смысле оказывают влияние на скорость реализации определенных элементов политического курса государства. Эта скорость крайне важна в условиях «гонки смыслов» и в свою очередь зависит от продолжительности конструирования смысла и направленности проведения. Скорость реализации тем выше, чем меньше времени тратится на формирование и конструирование смыслов и чем больше направлений ее проведения, т.е. чем шире эти идеи расходятся, находя все новые потенциальные цели воздействия, которые попадают в сферу влияния и интересов государства. При этом важно отметить, что отсутствие этапа формирования смыслов приводит государство к одному из двух дальнейших вариантов действия: заимствованию чужих смыслов (что как раз увеличивает направления успешного проведения нарративов иного актора международных отношений) или к оклонулевому прогрессу внешнеполитического курса в силу отсутствия самого элемента для реализации.

Важным отличием интересов от традиционных идеологий становится не только их метафизическая, но и материальная направленность. Собственно, основной массив интересов в области устойчивого развития касается вопросов экономического, энергетического, гуманитарного, военного и иных направлений сотрудничества. Каждое из них влияет на роль и место государства в соответствующем пространстве. Аналогичным образом ряд интересов, связанных с проблемами обеспечения безопасности, затрагивает кейсы, прямо или косвенно создающие реальные угрозы материальным объектам и информационной инфраструктуре государства, а также отдельным лицам, обществу в целом и государству, как, например, вызовы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, деятельностью террористических, экстремистских и сепаратистских организаций, с трендами разоружения и милитаризации современных международных отношений.

Исходя из системного подхода, интересы будут определять формы и виды взаимодействия, связи между элементами системы. И для этого помимо направленности и уровня важности следует учитывать конструктивный, деструктивный, смешанный (конструктивный в одних аспектах и деструктивный по другим направлениям) или неопределенный форматы реализации интереса.

Таким образом, каждый интерес как отдельная фундаментальная единица внешнеполитического курса государства будет обладать шестью характеристиками:

1) Направленностью (обеспечение безопасности; содействие развитию).

2) Уровнем реальной важности для государства (незначительное; значительное; жизненно важное [экзистенциальное]).

3) Уровнем продвигаемой вовне важности (аналогичен по своим вариантам предыдущей характеристике, однако касается не столько реального положения дел, сколько декларируемого и продвигаемого на глобальном и региональном уровнях).

4) Временем, удаленным формированию и определению интереса.

5) Количество направлений реализации интереса.

6) Форматом реализации интереса (конструктивный направлен на сотрудничество с государствами-партнерами; деструктивный – против кого-то; смешанный направлен одновременно на сотрудничество с одними акторами и конфронтацию с другими; неопределенный, т.е. не поддающийся однозначной трактовке и интерпретации на современном этапе).

Другим немаловажным элементом, который влияет на участие государства в «гонке смыслов» и на продвигаемые вовне идейные конструкты, является система ценностей государства. Она включает в себя различные нарративы, тезисы, материальные и нематериальные ориентиры общества и государства. При этом ценности тесно связаны с интересами, поскольку бывают не только идеальными (идеализированными), т.е. задающими определенный вектор развития государства, концептуализирующие его внутреннюю и внешнюю политику, но и реальными (реалистичными), которые определяют конкретные допустимые и недопустимые действия, ограничивают продвигаемые нарративы и влияют на создаваемый образ государства.

Таким образом, развиваясь внутри страны, ценности оказывают воздействие на внешнеполитические векторы государства¹. Постепенно идейные концепты обретают фундамент в виде традиций. Они устанавливают определенные рамки существования, которые соответствуют границам ценностей. Вместе с тем ценности не являются ресурсом, т.е. не могут быть получены или потраче-

¹ Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 53.

ны. Вместо этого они могут сохраняться и продвигаться или забываться и исчезать. Также ценности могут трансформироваться со временем под воздействием внешней и внутренней среды, в том числе и без серьезных эволюционных изменений. Если говорить с точки зрения системного подхода, то ценности формируют среду идейно-ценостного пространства государства, в которой находятся элементы системы и связи между элементами.

Наконец, создавая идейно-ценостные конструкты, государства формируют идеи, т.е. концепты, которые предлагаются и продвигаются как во внутриполитическом пространстве, так и на международной арене. С точки зрения системного подхода идеи являются собой массив элементов, связанных между собой различными интересами-целями, и погружены в среду ценностных ориентиров. Когда происходит определенного рода синтез идей, интересов и ценностей государства, возникают идеологемы – устойчивые концептуализированные идейно-ценостные конструкты, идейные стратегии государства, тезисы и нарративы, сформулированные с целью провозглашения или достижения определенных национальных интересов¹. Каждая идеологема в рамках своего существования проходит четыре стадии:

- 1) стадия провозглашения,
- 2) стадия осуществления (реализации),
- 3) стадия достижения поставленных целей,
- 4) стадия трансформации.

После достижения и прохождения четвертой стадии трансформировавшаяся идеологема обычно вновь оказывается выдвинутой во внешний или внутренний идейно-ценостный контур государства, т.е. переходит на первую стадию, но уже в рамках иной, отличной идеологемы.

Важно отметить, что аналогично идеям и интересам идеологемы могут быть как направлены на внутреннюю политику государства, так и определять внешнеполитическую стратегию и курс, равно как и совмещать обе направленности. При этом зачастую идеологемы не прописаны в официальных документах. Однако они все равно существуют у государств, которые претендуют на роль региональных лидеров и / или стремятся к ревизии мирового и регионального порядка. Отсутствие внешнеполитических пропи-

¹ Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 163–174. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174.

санных принципов может означать, например, переходную форму внешней политики государства, незавершенный поиск своего места в рамках существующей глобальной системы международных отношений¹.

Если идеи являются базовыми (минимальными) единицами идейно-ценностного концептуализирования государственного вектора в политическом пространстве, то идеологемы – это неформальные структурированные совокупности идей, связанные между собой интересами и погруженные в среду ценностей. На уровне именования идеологемы могут быть представлены одним словом («неоосманизм»), группой слов («полицентричный мир») или даже представлять собой целые фразы, в том числе и афоризмы («границы России нигде не заканчиваются²»).

Идентификация идеологем через законченные словосочетания представляется более сложной, поскольку возникает проблема отделения идей от идеологем. Поэтому одной из ключевых характеристик идеологем предлагается считать наличие связанных с ними инструментов по достижению идей и интересов, составляющих суть основу идеологемы. Так, например, высказывание В.В. Путина «зачем нам такой мир, если не будет России³» не несет конкретных средств реализации (в контексте высказывания речь шла об отношении к угрозе уничтожения России) и потому является идеей, включенной в идеологему обеспечения безопасности через построение справедливого полицентричного миропорядка.

Следующим этапом эволюции идеологем становится их постепенное «закостенение» и превращение в идеологические линии. Однако в современных условиях способность трансформироваться и подстраиваться под изменяющуюся реальность является более важной и актуальной, нежели глубина и фундаментальность. Гибкие идеологемы оказываются более эффективным инструментом конструирования и продвижения внешнеполитического образа государства, нежели государственные идеологии и связанные с ними направления и формы поведения.

¹ Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5(1659). – С. 27–38.

² Путин пояснил свое выражение о том, что границы России нигде не заканчиваются // ТАСС. – 2023. – 05.10. – URL: <https://tass.ru/politika/18921495> (дата обращения: 20.01.2024).

³ «Зачем нам мир без России?»: Владимир Путин о возможности применения ядерного оружия, терроризме и ситуации в Сирии // RT на русском. – 2018.– 07.03. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/489649-putin-siriya-terrorizm-yadernoe-oruzhie> (дата обращения: 20.01.2024).

Поскольку идеологемы обычно не имеют четко выраженной задокументированной формы, а вместо этого могут быть обнаружены преимущественно в заявлениях и выступлениях глав государств и политических ведомств, то однозначно идентифицировать и классифицировать весь массив существующих идейно-ценностных концепций отдельного государства представляется крайне нетривиальной задачей.

Тесная связь идеологем с идеями, ценностями и интересами создает систему взаимосвязей, которые определяют основные характеристики идеологем. Представляется целесообразным, проводя исследование этих идейно-ценностных конструктов, исходить по крайней мере из логико-интуитивного анализа по пяти основным аспектам:

- 1) направление (внешнее, внутреннее, комплексное);
- 2) интерес (обеспечение безопасности, содействие развитию, комплексный);
- 3) характер (декларативный, конструктивный, деструктивный, смешанный, нейтральный);
- 4) пространственный охват (внутригосударственный, региональный, кроссрегиональный, глобальный);
- 5) стадия (провозглашение, реализация, достижение целей, трансформация).

Говоря о системе идейно-ценностных концептов государства через его идеологемы, появляется возможность не только общей оценки применимости тех или иных идей государства для достижения национальных интересов, но и создания условия для еще одного элемента идентификации реальных и потенциальных лидеров как на региональном, так и на глобальном уровнях. Поскольку экстраполяция идеологемы возможна далеко за пределами государственных границ, в рамках сферы интересов государства, а потому имеет тенденцию к столкновению с идеологемами, продвигаемыми иными странами и их правительствами, то возникает возможность оценки направленности и потенциала **синтеза идеологем** в рамках взаимодействия государств в различных пространствах международных отношений. В этом случае синтез может использоваться для определения эффективности функционирования идеологем, результативности их продвижения и осуществления этих идеологем, а также для оценки направленности государств на конструктивное или деструктивное взаимодействие.

Внешнеполитические идеи и идеологемы России после начала Специальной военной операции

В октябре 2022 г., выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что при формировании будущего миропорядка должна быть принята во внимание каждая точка зрения, каждая система мировоззрений, идей, религиозных представлений, «не навязывая никому единой истины»¹. Подобный тезис во многом стал основополагающим при проведении Россией внешней политики как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах.

При этом такие идейные нарративы, как правда, свобода, справедливость, равенство, борьба с колониализмом, озвученные президентом В.В. Путиным 30 сентября 2022 г. в Георгиевском зале Кремля в ходе церемонии подписания договоров о принятии в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образования новых субъектов Российской Федерации (также называемой Георгиевской речью по аналогии с Мюнхенской речью 2007 г.)², близки многим государствам, в том числе региона Ближнего Востока.

Выступление президента В.В. Путина в Георгиевском зале в сентябре 2022 г. представляется особенно важным, поскольку был выдвинут целый комплекс идей и тезисов, которые в совокупности своей, с учетом современных международных реалий (также были сделаны отдельные заявления), формируют достаточно стройную систему идеологем. В отличие от идеологии, которая обычно имеет жесткую структуру, сформулирована и зафиксирована в доктринальных документах, идеологемы являются эффективным способом построения гибкой и ориентированной на результат внешней политики государства, которая может трансформироваться с учетом возникающих вызовов и угроз.

Одной из самых известных идеологем, которые продвигает Российская Федерация на протяжении десятилетий, является пере-

¹ Путин призвал принять во внимание каждую точку зрения при формировании будущего мира // ТАСС. – 2022. – 27.10. – URL: <https://tass.ru/politika/16175393> (дата обращения: 20.01.2024).

² Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. – 2022. – 30.09. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 20.01.2024).

ход системы международных отношений к полицентричности (многополярности), в рамках которой управление мировыми процессами осуществлялось бы не через диктат одного актора, но группой крупных и сильных мировых держав (центров силы), одним из которых была бы Россия¹. Тезис иного миропорядка продвигался еще до «Мюнхенской речи» Путина 2007 г. (ей было заявлено о неприемлемости и малой возможности однополярного мира²), в 1990–2000-х годах профессором А.Д. Богатуровым (в качестве «плюралистической однополярности»)³ и М.М. Лебедевой (в рамках новой «сетевой» структуры мира)⁴.

Внешнеполитические идеологемы Российской Федерации имеют также и негативную направленность, т.е. ориентированы против идей и ценностей оппонентов. Так, например, Россия выступает против колониальной политики и диктата США, строящегося на грубой силе и «кулачном праве»⁵. Считает недопустимым тотальное доминирование США и НАТО через политику «сдерживания», которая осуществляется путем подрыва суверенных центров (как путем физического уничтожения, так и через ограничения, нарушающие нормы международного права, в том числе санкционной направленности)⁶. Также Москва осуждает западную концепцию собственной исключительности, продвигаемую через агрессивную пропаганду, построение мифов и фейков, а также выдачу желаемого за действительное.

Россия не является мировым гегемоном и не стремится к господству и установлению диктата во всем мире. Не ставит цели поставить другие народы и государства на колени и подчинить их своим амбициям, идеям, нормам, ценностям и правилам. Не жаждет

¹ Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–39.

² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная Мысль. – 1996. – № 2. – С. 25–36.

⁴ Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // ПОЛИС. Политические исследования. – 2000. – № 6. – С. 40–50.

⁵ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. – 2022. – 30.09. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 20.01.2024).

⁶ Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. – 2016. – № 11. – С. 85–104.

дет переделать весь мир под себя, под свое видение реальности, уничтожая несогласных.

Напротив, Россия продвигает тезисы и идеи полицентричного мира, который основан на диалоге и взаимодействии нескольких (более двух) центров силы. В этой связи основополагающими становятся тезисы-идеологемы суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбия, милосердия и сострадания. Крайне важными являются идеи правды, безопасности и защиты традиционных духовных норм и ценностей, языка, культуры, истории, права выбирать собственный путь. Россия в настоящее время ведет уже даже не гибридную, но почти настоящую войну с Западом¹. Войну в идейно-ценостной сфере, войну за язык, культуру, ценности и идеи.

Принципиально важным представляется и то, что в новой Концепции внешней политики России 2023 г. (далее – Концепция) впервые появился идейно-ценостный базис, обозначенный в самом начале документа: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп, определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»². Следует учитывать, что Концепция является таким же документом стратегического планирования, как и Стратегия национальной безопасности или Военная доктрина. Более того, в соответствии с п. 1 она представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики Российской Федерации. Таким образом, отдельные конструкции, продвигаемые и провозглашаемые в Концепции

¹ Лавров заявил, что Россия ведет с Западом уже не гибридную войну // РИА Новости. – 2023. – 23.01. – URL: <https://ria.ru/20230123/rossiya-1846778090.html> (дата обращения: 20.01.2024).

² Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации (Указ № 229 от 31 марта 2023 г.) // Сайт Президент России. – 2023. – 31.03. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 20.01.2024).

внешней политики России 2023 г., вполне можно рассматривать как идеологемы.

В частности, из вышеуказанного фрагмента можно выделить идеологемы «самобытного государства-цивилизации с уникальной миссией» и «евразийской и евро-тихоокеанской державы». Также в Концепции указано стремление выступать «одним из суверенных центров мирового развития и поддержания глобального баланса сил».

Подобный стремительный переход от политики отдельных идей и целей к стройным идеологемным концептам означает, что произошел своего рода смысловой прорыв в российской государственности и внешнеполитической идеологической мысли¹. Таким образом, выделенные внешнеполитические идеологемы России могут быть представлены в виде матрицы характеристик (табл. 1).

Таблица 1
Матрица внешнеполитических идеологем России

Идеологема	Направление	Интерес	Характер	Пространств. охват	Стадия
Борьба с колониализмом	Внешнее	Безопасность	Смешанный	Глобальный	Реализация
Евразийская держава	Внешнее	Развитие	Конструкт.	Глобальный	Провозглаш.
Полицентрический мир	Внешнее	Комплексный	Конструкт.	Глобальный	Провозглаш.
Суверенитет	Внешнее	Безопасность	Декларатив.	Глобальный	Провозглаш.
Свобода	Комплексное	Развитие	Декларатив.	Кроссрегион.	Провозглаш.
Созидание	Комплексное	Развитие	Конструкт.	Кроссрегион.	Реализация
Справедливость	Комплексное	Комплексный	Декларатив.	Кроссрегион.	Реализация
Самобытное государство-цивилизация	Внешнее	Комплексный	Декларатив.	Глобальн.	Провозглаш.

Источник: составлено автором.

* * *

Таким образом, складывающаяся в настоящее время система идеологем России преимущественно направлена вовне (что соотносится в полной мере с их провозглашением в рамках Концепции

¹ В новой Концепции внешней политики России многое изменилось. Но дело далеко не только в страновых приоритетах и проблематике, о которых мы еще успеем наговориться вдоволь... // Telegram-канал Владимир Аватков. – 2023. – 31.05. – URL: <https://t.me/avatkov/3617> (дата обращения: 20.01.2024).

внешней политики), ориентирована как на обеспечение интересов в сфере безопасности, так и развития, а также по обоим векторам. Кроме того, в большинстве своем российские идеологемы носят конструктивный (сотрудничество и взаимовыгодное взаимодействие акторов) или декларативный (носят исключительно характер заявлений и служат основной для выстраивания отношений и синтеза с идеологемами других государств) характер. Россия, выступая активной и деятельной мировой державой, мыслит по меньшей мере глобально, хотя реализация отдельных идеологем имеет пока ограниченный кроссрегиональный характер (т.е. происходит в рамках системы из нескольких регионов или geopolитических пространств).

Тем не менее с точки зрения стадий пока ни одна из идеологем не достигла этапа окончания реализации и осуществления поставленных целей. Вместо этого в основном идеологемы находятся на первой стадии провозглашения, что коррелирует с малым временем, которое прошло с того момента, как они были озвучены официальными лицами и частично закреплены в документах стратегического планирования.

Современное идейно-ценостное пространство тесно связано с политическим и информационным полями. Также оно одновременно стабильно (идеи обычно существуют в политическом медиаполе годами) и динамично (в целом постоянно возникают, но не всегда закрепляются, новые или актуализируют прошлые идеи, подменяя существующие).

Для развития идейно-ценостного компонента в политическом процессе России, опираясь на существующие идеи (в том числе озвученные президентом В. Путиным), представляется необходимым систематизировать внешнеполитические идеи, создав три кластера идеологем, каждый из которых будет направлен на достижение национальных интересов по конкретному внешнеполитическому вектору:

1) «Ближнее Зарубежье» будет направлен на ближайших соседей России (Белоруссию и страны Постсоветского Востока) и должен содержать, как минимум, идеи Русского мира, созидания, незападной модели миропорядка, милосердия, правды, безопасности, диалога равных.

2) «Западный мир» – на западные государства, включая европейские постсоветские страны. Представляется целесообразным включить в него идеи противостояния неоколониальной политике и тирании «демократии», отказа от навязываемых ценностей, готовности до конца защищать русские языки, культуру и ценности.

3) «Восток» – это третий кластер идеологем, обращенный на государства Востока, а также Африку. Наполнение этого кластера должно быть максимально универсальными и включать идеи полицентричности, справедливости, суверенитета, созидания, диалога, традиционных духовных норм и ценностей.

Возникновение подобных кластеров – есть результат распада универсального постиндустриального постмодерна, разрушение существующей системы управления и переход к новой форме неоглобальности. Одновременно с этим данная тенденция может быть связана в целом с процессом деструкции глобальной политической и экономической архитектуры¹.

Запад во главе с США более не является единственным источником идей и ценностей для остального мира. Западная «модель» утратила свое доминирующее положение на уровне отдельных макрорегионов и регионов. Фактически Запад лишился одной из основополагающих способностей, которые обеспечивали его глобальное доминирование (в отдельных случаях гегемонию), – способности управления развитием через коммуникацию².

В перспективе возможно построение новой системы международных отношений, в которой центры силы будут группироваться на основе кластеров схожих и солидаризированных идеологем с сохранением глобальных финансово-экономических взаимоотношений государств (своего рода постпостмодерновая неоглобальность³). Таким образом, мир будет разделен не просто на военно-политические или экономические блоки, но сетецентрично разделен и одновременно разделен на группы государств, разделяющих схожие идеи и ценности. Вместе с тем сохранится соперничество в экономическом пространстве (со всеми связанными со-пространствами, например, военно-техническим, гуманитарным, промышленным, инвестиционным) и гонка за лидерство на макрорегиональном и глобальном уровнях.

¹ Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 293–307. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307.

² Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: презентация доминирования в языке и коммуникации. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

³ Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 293–307. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307.

ГЛАВА II

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНОЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Трансформация современной системы международных отношений¹, ускорившаяся после начала Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г., интенсифицировала процесс формирования новых центров силы в рамках новой модели международных отношений. Российская Федерация, проводя внешнеполитический курс, исходит из тезиса, что конструируемый миропорядок должен быть полицентричным². При этом Москва готова не только публично заявлять о своем видении будущего, но и прикладывать усилия для реализации поставленных целей и задач³. Вместе с тем, хотя полицентричный миропорядок выглядит одним из наиболее «демократичных», поскольку предполагает одновременное существование нескольких центров силы, усложняющих и по-новому иерархизирующих современные междуна-

¹ Ст. 6. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента Российской Федерации. – 2021. – 02.07. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

² Термины «полицентричность», «многополярность» и «многополюсность» в рамках данного исследования являются синонимами. Аналогичное относится к терминам «центр силы», «полюс влияния» и т.п.

³ Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений // Российский институт стратегических исследований. – 2017. – 23.10. – URL: <https://riss.ru/analitica/rossiyskiy-vzglyad-na-budushcheye-mirovogo-poryadka-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 21.08.2023).

родные отношения¹, он также несет риски усиления конфронтации между государствами на региональном уровне², в случае если попытки достичь компромисса интересов потерпят фиаско. Новый миропорядок, как можно видеть на современном этапе, вероятнее всего, будет динамично изменяющимся, что может негативно скаться на межакторных отношениях и на общем уровне стабильности системы³.

Что касается идеологической составляющей нового поликентричного миропорядка, то в настоящее время она остается несформулированной на глобальном уровне⁴. Вместе с тем на уровне отдельных региональных подсистем государства, стремящиеся и становящиеся региональными или даже кроссрегиональными лидерами, постепенно формируют идеально-ценностные конструкты-идеологемы, исходя из собственных моделей ценностей, идей и интересов.

Ближневосточная подсистема в условиях трансформации системы международных отношений

Современные процессы трансформации миропорядка в большей степени приводят к постепенной регионализации и классификации международных отношений. В рамках ближневосточной подсистемы это ведет, с одной стороны, к интенсификации различных внутренних процессов по формированию лидеров, с другой – в определенной степени к возникновению новых и усилению существующих противоречий, а с третьей – все большее значение приобретают надгосударственные (и даже надрегиональные) формальные и неформальные объединения.

Так, на Ближнем Востоке и в связанных с этим пространством процессах происходит постепенное увеличение значимости

¹ Аватков В.А. Россия и Турция: переход к поликентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer. – 2018. – № 11. – С. 39–40.

² Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 2 (57). – С. 179–184. – DOI: 10.17994/IT. 2019.17.2.57.10.

³ Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1. – С. 56–57. – DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.

⁴ Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 1. – С. 14.

таких структур, как ОПЕК / ОПЕК+, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Лиги арабских государств и других¹. При этом под увеличением значимости понимается не столько результивность этих форм взаимодействия государств, сколько в целом их важность как площадок для участия в глобальной и региональной публичной дипломатии.

Данный процесс является новым для ближневосточной подсистемы, поскольку традиционно многосторонние институты и системы взаимодействия государств не просто уступали двусторонним в эффективности, но в целом были малозначимыми для ведущих держав региона. Несомненно, продолжающееся на современном этапе «жесткое» конфликтное взаимодействие, например по линии Иран – Израиль, не способствует функционированию региональных и надрегиональных структур.

Однако процессы, происходящие в институциональной среде, означают стремление отдельных государств найти выход из затяжного кризиса. Происходит регионализация институтов, формирование и конкурирование макрорегиональных правовых пространств, в рамках которых международное право может трактоваться в виде, отличном от «западной» позиции². Данный региональный институциональный разворот параллельно с сохранением национального суверенитета приводит к обострению глобального противоборства в идейно-ценностной.

Необходимо отметить, что в рамках данного исследования под Ближним Востоком понимается не просто географический регион, но и geopolитическое пространство, т.е. синергия географических характеристик, политических интересов и государственных векторов, которые складываются в пространство³, включающее государства Аравийского полуострова, Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Палестина, Сирия), Израиль, а также три государства, которые граничат с указанными выше, – Турция на севере, Иран на востоке и Египет на западе.

¹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 107. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.

² Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 121–144. – DOI: 10.31249/poln/2022.04.06.

³ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

Однако следует учитывать, что за все время существования независимых ближневосточных государств в регионе так и не сформировалась долгосрочная устойчивая и эффективная система обеспечения и поддержания безопасности. Вместо этого имеется ряд структур декларативного характера (определяющих цели и направления борьбы, но не предлагающих и не поддерживающих конкретные способы разрешения существующих вызовов и угрозы), например, «Щит полуострова» в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива^{1,2}, или «Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом» во главе с Саудовской Аравией³.

В этой связи у государств региона существует определенный запрос на построение действенных архитектур безопасности, а страны Запада не оставляют попыток формирования «Ближневосточного стратегического альянса»^{4,5}. Россия имеет собственное видение региональных процессов в области безопасности и предлагает, в первую очередь ключевым ближневосточным кроссрегиональным державам, задействованным в сирийском урегулировании, участие в инклюзивной архитектуре безопасности⁶. Данный формат предполагает вовлечение в диалог на равных условиях всех акторов, которые оказывают решающее влияние на региональные процессы в сфере поддержания мира и стабильности⁷.

¹ Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // РИА Новости (Беленькая М. внесена Минюстом в список иностранных агентов в 2024 г.). – 2015. – 26.03. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 10.09.2023).

² Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

³ Islamic Military Counter Terrorism Coalition // Official Website (web-archive). – 2019. – URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/> Arabic/FocusAreas (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание антииранского военного альянса между США и ближневосточными странами // RT на русском. – 2018. – 31.08. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Kurtzer D., Seeley M. The Middle East's Evolving Security Landscape: Prospects for Regional Cooperation and US Engagement // IAI Papers. – 2020. – May. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2010.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

⁶ Авактов В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2018. – 06.04. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

Говоря о характерных особенностях Ближнего Востока, которые хотя и не являются исключительно присущими только данному пространству, но при этом оказывают значительное воздействие на все формы межакторного взаимодействия (в первую очередь межгосударственного), следует отметить высокий уровень конфликтности, усугубляемый как внутригосударственными противоречиями, так и активным вовлечением внешних игроков в региональные процессы; ограниченность ресурсов (неравномерность их распределения); рост числа и потенциала региональных лидеров, а также стремление отдельных государств к ревизии мирового и регионального порядка. В совокупности данные факторы также усугубляются сложностями межгосударственного диалога и систематическими кризисами диалогового процесса и попыток поиска компромиссов. Постоянная угроза радикализации существующих противоречий и распространения фундаменталистских идеальных концептов также повышает общий конфликтный потенциал Ближнего Востока.

Указанные выше характерные особенности Ближнего Востока в первую очередь связаны с высоким уровнем конфликтности, они приводят к примату интереса обеспечения национальной безопасности (как от внутренних, так и от внешних угроз) над устойчивым развитием. При этом для большинства государств интересы данной направленности являются жизненно важными. Это связано в том числе и с тем, что на Ближнем Востоке вооруженные конфликты воспринимаются не просто как потенциальная угроза, которая теоретически может возникнуть в будущем, но и как составная часть реальности, среди, в которую погружены государства и в которой существуют межгосударственные отношения.

Задача обеспечения соответствующего уровня безопасности в свою очередь приводит государства к необходимости наличия не только высокого военного потенциала, который в теории может оказать решающее значение на исход потенциального конфликта, но также сильной экономики и развитых инструментов публичной дипломатии, «мягкой силы» и иных способов непрямого (в том числе информационного) воздействия на третью страны¹. Кроме того, в рамках данного интереса повышается значимость приграничного (периферийного) пространства государств, что открывает новые горизонты для сотрудничества по широкому спектру вопросов, включая проблемы безопасности.

¹ Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 24.

Кроме того, в XXI в. следует учитывать высокую геополитическую и геоэкономическую значимость региона. Несмотря на глобальный сдвиг основных процессов в экономике и политике из Европы в Азию, Ближний Восток не потерял своей важности на карте современных международных отношений. Географически по суше из Азии в Европу торговые пути и сухопутные логистические маршруты строятся либо через Россию, либо через Ближний Восток. Рост взаимодействия стран «третьего мира» (включая государства Ближнего Востока) с Китаем по линии Юг – Юг¹, приводят к переносу и смещению сил и интересов на глобальный Восток, а также к росту количества зон напряженности и повышению важности поддержания безопасности в региональных подсистемах.

Распад СССР при сохранении США в качестве единственного центра силы на мировой арене оказал значительное влияние на развитие процессов, происходящих во внутренней и внешней политике государств Ближнего Востока, приведя к интенсификации и интернационализации конфликтов на Ближнем Востоке². Кроме того, возникла необходимость поиска новых партнеров и формирования новых центров силы.

Уничтожение сильного игрока-балансира (СССР) ослабило Россию и привело к усилению влияния коалиции западных стран. Как следствие, в короткий промежуток времени произошел глобальный поворот многих сильных ближневосточных стран в сторону США, Великобритании и других крупных держав Запада. Одновременно некоторые региональные державы заняли лидирующие позиции в новом мире и до сих пор соперничают между собой за региональное или даже трансрегиональное лидерство.

Последние годы государства Запада активно реализуют на Ближнем Востоке экспансионистские и эксплуатационные геополитические проекты, если основываться на классификации И.В. Шамина³. Экспансионистский подход, как показывают примеры

¹ Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

² Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21.

³ Шамин И.В. Экспансия как фактор обеспечения суверенитета и развития государства в глобализирующемся мире // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Т. 6, № 4. – С. 19–30.

Ирака и Сирии¹, приводит преимущественно к уничтожению государственности, утрате суверенитета, интенсификации конфликтных противоречий. Государства на десятилетия утрачивают внутриполитическую стабильность и становятся целями активного внешнего воздействия. Эксплуатация пространств и ресурсов (в первую очередь углеводородных) стран Ближнего Востока также может оказывать разрушительное влияние на государства, но при этом реальная эффективность данных геополитических проектов в последнее время постепенно снижается. Однако конструктивный и оборонительный характер внешней политики России в регионе оказывается весьма эффективным и при этом привлекает все большее число региональных игроков, поскольку не несет для них риски и угрозы, исключая потенциальное санкционное давление со стороны коллективного Запада.

Характеристика акторов Ближнего Востока: типы государств

Поскольку идеологемы носят концептуальный характер, то они не обладают ресурсами, направленными на достижение интересов и реализацию поставленных идей. В этом случае государства должны в первую очередь исходить из оценки собственного потенциала в тех сферах (пространствах), которые наиболее подходят для достижения поставленных целей. В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза, что с точки зрения реализации интересов безопасности и устойчивого развития наиболее важными для государства-актора являются экономическая и военная мощь, потенциал воздействия на другие страны в сфере «мягкой силы», а также общий уровень жизни, грамотности и образования в государстве (социально-гуманитарная сфера, способствующая развитию страны).

В рамках исследования была сформулирована и проверена экспериментальная модель анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем на примере стран Ближнего Востока. В рамках данной экспериментальной модели были взяты четыре параметра, каждый был приведен к единой удобной форме анализа на основании метода минимально-максимальной нормализации, в

¹ Долгов Б.В. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка): монография / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева; Институт востоковедения, РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – 504 с. – URL: <https://book.ivran.ru/f/conflictsxxi-2015.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

рамках которой потенциал каждого государства по каждому параметру принимает значения от 0 до 1.

Данный метод предполагает использование следующей формулы для оценки каждой переменной в массиве данных по каждому параметру в отдельности:

$$(X - N) / (M - N),$$

где **X** – нормализуемая переменная,

N – минимальное значение переменной в массиве данных,

M – максимальное значение переменной в массиве данных.

К параметрам, которые анализировались, относятся ВВП по паритету покупательной способности, по данным Всемирного банка на конец 2022 г.¹ (использован для оценки экономического потенциала государства), рейтинг совокупной военной мощи государства Global Firepower (PwrIdx)² по состоянию на 2023 г. (для оценки военного потенциала), индекс «мягкой силы» государства (Global Soft Power Index)³ по состоянию на 2022 г. (для оценки потенциала «мягкой силы»), а также индекс человеческого развития (ИЧР)⁴, по данным отчета Программы развития ООН 2021/22 (для оценки социально-гуманистического потенциала развития).

Среди представленных показателей отдельного внимания заслуживает индекс военной мощи государства PwrIdx, который в виду методологического подхода автора является тем более высоким, чем ближе к нулю (т.е. 0 – это теоретический балл, достигнуть которого невозможно). В этой связи для удобства оценивания число PwrIdx было возведено в минус первую степень (иначе говоря 1/PwrIdx), что позволило провести прямую пропорциональность между значением и потенциалом: чем выше число, тем выше потенциал. Кроме того, ВВП по ППС для всех стран измерялся в млрд долл. США.

После применения метода минимально-максимально нормализации были получены представленные в табл. 3 значения по четырем параметрам, при которых нормализованное значение 1 означает государство с самым высоким потенциалом среди всех

¹ GDP, PPP (current international \$) 2022 // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 12.09.2023).

² Global Firepower 2023. – URL: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Global Soft Power Index 2022. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/map?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Human development report 2021/2022 // United Nations Development Programme. – 2022. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

ближневосточных акторов, а 0 – государство (одно или несколько) с самым низким потенциалом (при отсутствии информации по потенциалу государства ему также присваивалось значение 0). Соответственно, чем выше значение нормализованного показателя, тем выше потенциал государства в рамках соответствующего параметра. При этом значение 1 может быть только у одного государства-лидера, а все остальные представляют собой долю от единицы. Например, экономический потенциал Турции, исходя из нормализации показателя ВВП по ППС, равен 1 (т.е. Турция является экономическим лидером в регионе Ближнего Востока). А экономический потенциал Саудовской Аравии равен 0,6414, т.е. составляет 64,14% от потенциала Турции (в ближневосточной подсистеме это второе по величине значение среди нормализованных показателей экономической мощи).

Таблица 2
Матрица нормализации четырех переменных

Государство	ВВП по ППС	1 / PwrIndx	Global Soft Power Index	ИЧР
Турция	1	1	0,913	0,8254
Саудовская Аравия	0,6414	0,556	0,9293	0,9052
Израиль	0,1492	0,7312	0,8768	1
ОАЭ	0,247	0,2245	1	0,9828
Египет	0,4997	0,9065	0,779	0,5948
Иран	0,4776	0,7434	0,6649	0,6875
Катар	0,0922	0,1785	0,904	0,8621
Бахрейн	0,0269	0,1389	0,7246	0,9052
Кувейт	0,074	0,1396	0,8025	0,8103
Оман	0,057	0,1432	0,7373	0,778
Иордания	0,0373	0,1335	0,7156	0,5711
Ливан	0	0,0901	0,6486	0,5409
Ирак	0,1554	0,2737	0,6105	0,4978
Палестина	0,0102	0	0	0,5603
Сирия	0	0,1817	0	0,2629
Йемен	0,0201	0,1442	0	0
Среднее значение параметра	0,218	0,3491	0,6441	0,674

Источник: составлено автором.

Помимо значения потенциала по каждому государству в табл. 2 также указано среднее значение нормализованной переменной по каждому параметру. Если потенциал государства превышает среднее значение, это означает, что государство находится в сильном положении (при осуществлении нормализации через стандартное отклонение данное значение было бы положительным).

В то же время потенциал ниже среднего значения означает ослабленное положение государства в данном ресурсном пространстве (при нормализации через стандартное отклонение переменная имела бы отрицательный знак). В рамках этой таблицы государства в ослабленной позиции выделены серым цветом.

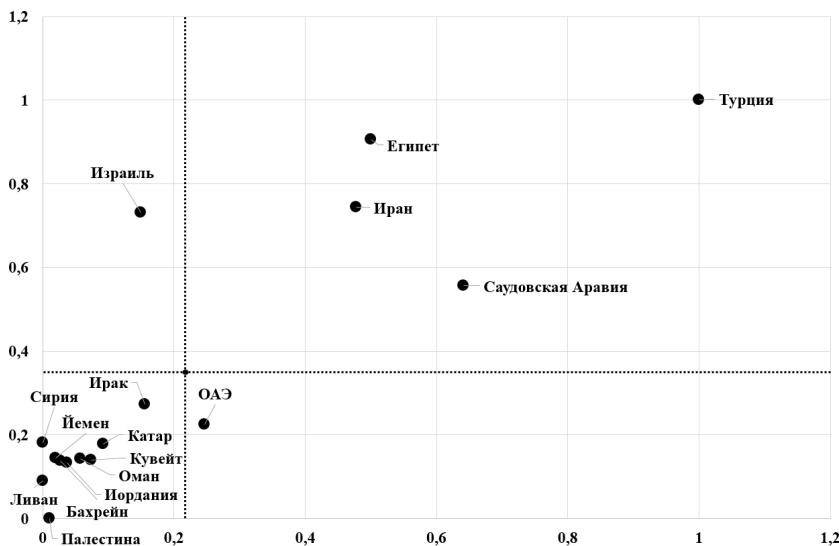

Схема 1. Карта экономического (ось X) и военного (ось Y) потенциала государств Ближнего Востока¹
Источник: составлено автором.

На основании схемы 1 может быть проведен сводный анализ потенциалов государств по двум векторам: экономическому (ось горизонтальных значений X) и военному (ось вертикальных значений Y). В рамках этих двух параметров четыре государства (Турция, Египет, Саудовская Аравия и Иран) находятся в сильном положении по обоим потенциалам. Еще два государства – в ослабленном положении по одному из двух параметров: Израиль – по экономическому потенциалу, ОАЭ – по показателю военной мощи.

¹ Пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю.

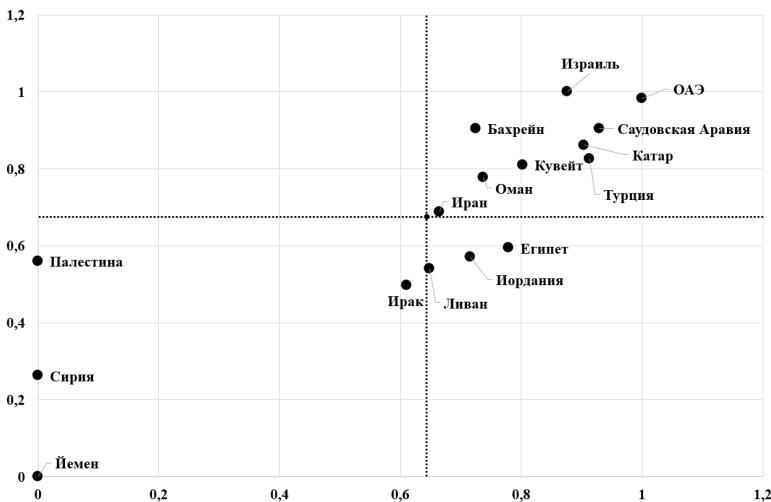

Схема 2. Карта потенциала «мягкой силы» (ось X) и Индекса человеческого развития (ось Y) государств Ближнего Востока¹

Источник: составлено автором.

Исходя из данных сх. 2, большая часть государств Ближнего Востока находится в сильном положении как по показателю потенциала «мягкой силы», так и по нормализованному значению индекса человеческого развития. К таковым относятся, Турция, Саудовская Аравия, Израиль, ОАЭ, Иран, Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман.

Вместе с тем три государства находятся в ослабленном положении по показателю ИЧР (Египет, Иордания, Ливан), а еще у четырех государств (Ирак, Палестина, Сирия и Йемен) оба потенциала являются ослабленными (при этом у Йемена они оба равны 0). Это связано в том числе с продолжающимися вооруженными конфликтами и общей нестабильной политической обстановкой в стране. Стоит также отметить, что по оси «мягкой силы» Ливан близко подошел к отметке, за которой находится ослабление этого показателя.

Определение региональных лидеров ближневосточной подсистемы

Оценивая показатели каждого из государств Ближнего Востока по четырем основным параметрам, а также в рамках всей

¹ Пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю.

модели в целом, можно выделить четыре типа государств, исходя из соотношения их сильных и ослабленных положений:

1. **Государства I типа (кроссрегиональные державы)** по всем четырем базовым параметрам находятся в сильном положении. К таковым относятся Турция, Саудовская Аравия, Иран. Данные государства играют ключевую роль во всех региональных процессах и являются активными кроссрегиональными державами, поскольку их внешняя политика и национальные интересы выходят за пределы региона.

2. **Государства II типа (региональные лидеры)** находятся в ослабленном состоянии по одному из параметров. К данному типу государств относятся Израиль, ОАЭ, Египет. Эти государства являются региональными лидерами, которые стремятся стать кроссрегиональными державами. Они могут проводить определенные политические «линии» в других регионах, например, в области военно-технического или энергетического сотрудничества, однако не играют ключевой роли в этих региональных пространствах.

3. **Государства III типа (средние державы)** находятся в ослабленном состоянии по двум или трем параметрам. К таковым относятся Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман, Иордания и Ливан. Государства данной группы играют важную (но не решающую) роль в региональных процессах и при этом могут стремиться к региональному лидерству, но пока не достигли его.

4. **Государства IV типа (локальные и несостоявшиеся государства [failed states])** находятся в ослабленном состоянии по всем четырем параметрам. К этой группе относятся, Ирак, Палестина, Сирия, Йемен. Данные государства или охвачены вооруженными конфликтами (Ирак, Сирия), или находятся на грани своего существования как суверенных акторов международных отношений (Палестина, Йемен).

По итогам проведенного анализа потенциалов можно сделать вывод, что три государства I типа (Иран, Турция, Саудовская Аравия) в будущем потенциально могут стать центрами силы нового формирующегося полицентричного миропорядка. *Важную роль в этом сыграют* как сильные традиционные показатели военной мощи или экономического потенциала, так и высокий потенциал «мягкой силы» и относительно высокие (в рамках Ближнего Востока) показатели индекса человеческого развития. Кроме того, значительным фактором является способность формулировать, продвигать и реализовывать внутри- и внешнеполитические идеологемы.